

МЕЙМИ ОСКАРОВНА СЕВАНДЕР: «ЧЕЛОВЕК НА ВСЕ ВРЕМЕНА». ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДОЧЕРИ

MAYME SEVANDER: 'ALL TIMES PERSON'. FROM THE DAUGHTER'S
MEMORIES

*Посвящается поколению моих родителей — североамериканских иммигрантов,
этнических финнов — их драматической судьбе и бескорыстному творческому созиданию*

Этот год особый в истории нашей семьи. 23 июля 2023 года исполнилось 100 лет со дня рождения моей мамы Мейми Оскаровны Севандер (Корган). Уже прошло двадцать лет с тех пор, как её нет с нами. Мы живём в другом, изменившемся мире, но память о ней всегда с нами, она жива и действенна. Особенно в этом году я как бы вновь и вновь проживаю «куски нашей жизни» в Карелии, где родились мы с братом в семье Милтона и Мейми Севандер. Я благодарна родителям за то, что в наследство от них получила хорошее здоровье, и счастлива, что память сохранила многое из той жизни. Счастлива и оттого, что в моём рассказе будет «звучать» мамин голос, ибо я могу рассказать, каким человеком была моя мама, опираясь на её книгу. Эту книгу о жизни своей семьи (*They took my father*)¹, написанную в соавторстве с американской журналисткой Лорри Хертцель в 1992 году, она называла Нашей Библией. Мне в помощь также воспоминания её студентов, друзей и коллег.

Сегодняшней молодёжи в Петрозаводске имя Мейми Севандер уже мало знакомо, хотя бывшие её ученики, студенты, коллеги, живущие в Карелии и за её пределами, в том числе за рубежом, уверена, вспомнят Мейми в этот день — День Её

¹ *Sevander M., Hertzge L. They Took My Father: A Story of Idealism and Betrayal. Duluth, 1992.*

столетия. Нет, я не ошиблась, именно так, просто по имени, звали её на факультете иностранных языков Карельского государственного педагогического института, ставшем её «детисцем». А те студенты, которым посчастливилось учиться языку у «самой Мейми», почти ласково называли её «наша Мейми». Мама была неформальна в общении с окружающими, оттого, вероятно, и студенты воспринимали её как сверстника, как товарища. Но, как отметила в своей статье, посвящённой 95-ой годовщине со дня рождения Мейми Оскаровны Надежда Крылова (сегодня преподаватель факультета), «в этом не было ни грамма панибратства или неуважения. В этом — восхищение, бесконечное уважение и любовь».

Мне, дочери Мейми, хотелось бы в этот юбилейный год напомнить тем, кто знал маму, и рассказать тем, кто никогда не слышал о ней, каким непростым был её путь к такому признанию.

Мейми — девочка с красным флагом на первомайской демонстрации в г. Дулуте, США, Юридический центр, начало 1930-х годов

Можно сказать, что мама была приёмной дочерью Карелии, поскольку она родилась вдалеке от неё, за океаном, в небольшом городке Брул, штат Висконсин, США. Детство проходило в городке Супериор, названном в честь «своего тёзки», озера Великого (*Lake Superior*), на берегу которого он раскинулся. Здесь, в самом центре города, располагалась редакция левой финноязычной газеты *Työmies*, в которой работал её отец Оскар Корган, покинувший европейский континент в 1907 году в возрасте 20 лет. Здесь же в этих краях он через несколько лет встретил свою будущую жену Катарину Алалаури, уроженку Финляндии. Мама была вторым ребёнком в семье Корганов, всего детей было четверо. Старший сын Лео скоропостижно умер от отёка легких в возрасте одиннадцати лет в 1929 году, когда Мейми было всего шесть. Смерть старшего любимого брата Мейми переживала тяжело и позже вспоминала, что их счастливой жизни внезапно пришёл конец. Жена Оскара, Катри, была сама не своя от свалившегося на семью горя. Она как бы затихла, стала грустной и всё чаще повторяла, что никогда не останется больше жить в Супериоре. Семья переезжает из штата в штат — сначала в Миннесоту, позже в Вирджинию, а потом в Нью-Йорк, ставший последним местом проживания семьи Корганов в США. Мейми и её младший брат Паули стали учиться в школе для афроамериканцев не только потому, что она располагалась ближе к дому, где они на тот момент жили в Гарлеме, но и потому, что родители хотели примером своей семьи показать, что они, коммунисты, были против сегрегации. Так Мейми стала единственной белой девочкой в классе, а Паули единственным белым мальчиком. В память о своей чернокожей подруге Стелле Бейкер мама назовёт меня ее именем в январе пятидесятого года, когда я появлюсь на свет в Петрозаводске.

В Нью-Йорке Оскар Корган стал последним руководителем Комитета технической помощи Карелии. Так называлось агентство по вербовке рабочей силы в этот регион СССР. Одно его отделение находилось в Нью-Йорке, второе в Торонто, в Канаде. Отец Мейми был убеждённым коммунистом и одним из идеологов движения эмиграции. Мама вспоминала, каким прекрасным оратором он был, как он умел воодушевлять людей, не давая при этом обещаний, которые было невозможно выполнить. Он разъяснял, что Советский Союз — молодое государство, что Карелия — необжитая часть его. Поехать туда было всё равно, что опять стать пионерами-переселенцами: строить дома, жить без электричества и работать много и тяжело, с утра до позднего вечера. Он рассказывал своим землякам о том, что зимой в Карелии холодно, так же холодно, как в Финляндии и Миннесоте, и что еды и одежды будет не хватать, пока жизнь не устроится. Люди слушали с интересом. Некоторые страшно скучали по Финляндии, и их привлекала идея переезда в Карелию, поближе к родной Финляндии. Были и такие, кто уже устал от американского капитализма и от того, что с иммигрантами, в том числе и с финнами, обходились, как с людьми второго сорта. Большинство было увлечено идеей создания справедливого государства, где власть принадлежит рабочим, где не

будет безработицы и эксплуатации, где все люди братья. Порой принятие решений об эмиграции ускорялось всё более ощутимой Великой депрессией.

В Петрозаводск мама попала девочкой в возрасте одиннадцати лет. Семья Корганов прибыла в Карелию 30 апреля 1934 года. Они были одними из последних представителей североамериканцев, приехавших Советскую Карелию с самыми благородными намерениями — оказать помощь в строительстве справедливого социалистического общества. Непосредственным вкладом семьи Корганов в это доброе дело был печатный станок, который они привезли с собой и передали в типографию Петрозаводска.

Паспортная фотография семьи Корганов, 1934 г.

Мейми, как и большинство детей из семей американских финнов, пошла в финскую школу, но уже осенью 1936 года резко приняла другое решение — поменять школу и продолжить обучение на русском языке. Брат с сестрой отправлялись с утра в финскую школу, а она — в русскую. Мейми понимала, что раз они переехали в эту страну, надо выучить русский язык, чтобы по-настоящему стать частью этой страны. Для её отца, самого прошедшего «языковые университеты», родным был шведский и финский (он родился в северной Швеции у самой границы с Финляндией). За годы жизни в Америке Оскар Корган овладел английским в такой степени, что читал на нём лекции. Он прекрасно понял свою дочь и поддержал её. Но это решение оказалось далеко не простым, новый язык давался ей с большим трудом. Она рассказывала, как она дрожала от страха, когда учительница русского

Альманах североамериканских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2023. Выпуск / Issue 8

языка возвращала ей первый диктант, в котором было красным исправлено 168 ошибок. А с каким усердием она к нему готовилась! В конце первой четверти в русской школе ей выставили оценки: все двойки кроме математики, музыки и физкультуры, где язык не играл большой роли.

Забегу немного вперёд. Уже летом 1941 года, за несколько недель до начала войны, Мейми получит новую работу (ей и до этого, естественно, приходилось много работать, но где придётся, чаще занимаясь физическим трудом), её взяли на должность машинистки в бюро новостей ТАСС. Можно лишь догадаться, как быстро она овладела языком и какого прогресса в этом достигла.

Когда Мейми было тринадцать лет, семью опять ждали большие перемены. Издательство *Kirja*, в котором Оскар Корган работал в Петрозаводске, перевело его в Ухту (ныне — Калевала), посёлок на севере республики, где широко использовался финский язык. Для Оскара и Катри, как и для их младших детей, эти перемены были к лучшему — чудесная природа, возможность рыбалки, свой огородик и, прежде всего, язык. Особенно радовалась Катри, для которой этот переезд был почти равен возвращению в Финляндию. И только Мейми была омрачена и не испытывала никакой радости. Она понимала, что учёба в русскоязычной школе будет прервана. Семья принимает решение оставить Мейми в Петрозаводске у своих друзей, чтобы она могла продолжить учёбу. Вот тогда и начинается по-настоящему взрослая жизнь этой американской девочки в Карелии.

Лето 1937 года выдалось по-настоящему тёплым и радостным — вся семья была вместе. Мейми провела все летние каникулы в Ухте, помогая с Айно матери на огороде, Паули рыбачил и даже ставил силки на зайца. Катри занималась заготовками на зиму — консервы, ягоды. И папа, любимый папа, всегда на работе, но всегда рядом. Северное лето промелькнуло быстро, опять школа, осенняя четверть, надо было расставаться с семьёй и ехать на учёбу. Начались будни вдали от семьи, связь с которой поддерживать было непросто. Лишь иногда, если случалось, что кто-то ехал из Ухты в Петрозаводск, родители передавали Мейми немного денег или по возможности продуктовые посылки. Вот и в тот октябрьский вечер она бежала к незнакомой женщине, которая только что вернулась из Ухты и искала Мейми. Она торопилась в надежде получить письмо, а, может быть, и деньги и даже немного продуктов. Но оказалось, что на сей раз её ждало только письмо. Его написала мама, и вот что в нём было. Позже младший брат Паули расскажет то же самое, он был тогда рядом.

«Они пришли ночью, их было двое. Один был нашим соседом по фамилии Киуру — добрый финн. В ночь на 4 ноября 1937 года они постучались в дверь, разбудив всю семью. Они сказали отцу, что он арестован и что ему надо последовать за ними. Они отказались отвечать на вопросы. Они оставили входную дверь открытой, и холодный ночной ветер задувал в переднюю. Айно в страхе прижалась к маме, а Паули стоял рядом с мамой, как маленький защитник»².

Наступившая зима была самой длинной и тёмной в жизни Мейми. Ей было всего четырнадцать лет, и она осталась за старшую в семье. Семья пыталась выяснить, что произошло с отцом, почему его забрали, когда он вернётся. Никто ничего не мог сказать. Никто не знал. И вдруг подобное стало происходить повсюду в Карелии: в Ухте, Кондопоге, Петрозаводске — повсюду забирали мужчин из её народа, «*My People*», как она называла североамериканских финнов, переселившихся в Советскую Карелию. Их судьбам она позже посвятит свои исследования.

Запросы об отце никакого положительного результата не давали. Скорее наоборот, вводили в заблуждение. В одном ответе значилось десять лет лишения свободы, в другом — пятнадцать. То же самое касалось местонахождения арестованного Оскара Коргана — то назывался Казахстан, то Дальний Восток.

Летом 1940 года Мейми собственноручно написала запрос об отце на имя председателя местного НКВД. На этот момент она уже начала работать секретарём исполнительного комитета Зарецкого района города Петрозаводска. Но вместо ответа она получила повестку из НКВД, надо было явиться туда в определённое время. Ей пришлось ждать, пока её примут в «сером доме». Ожидание казалось вечностью. Чекист по имени Михаил Иванович Баскаков вежливо представился и объяснил ей, что письмо это не оставило его равнодушным, а таких он получал огромное множество. Он пообещал по возможности вернуть конфискованные при аресте вещи, поддержал веру Мейми в невиновность отца и признался, что были совершены некоторые ошибки. Юной наивной Мейми казалось, что слова о совершенных ошибках могли означать, что и Оскара арестовали по ошибке, что он может скоро вернуться.

Однако ждать правдивых известий о судьбе Оскара пришлось очень долго. Первое свидетельство о смерти было выдано в 1956 году, где в качестве причины был указан рак желудка, а дата — 1940 год. Тогда у властей ещё не хватало мужества сказать, как было на самом деле. Пройдёт ещё почти четыре десятка лет, и Мейми

² Севандер М., Хертцель А. Они забрали у меня отца: Американские финны в сталинской России / Пер. с англ. С. Севандер, И. Рыженкова, предисл. Т. Моргана. Петрозаводск, 2010. С. 97.

получит новое свидетельство с указанием причины смерти отца — расстрел, а дата — январь 1938 года. Ещё через несколько лет станет известно и место расстрела — урочище Сандармох недалеко от Медвежьегорска. Оно было обнаружено усилиями историков Вениамина Иофе, Ирины Флиге и Юрия Дмитриева.

Мейми, Паули и Айно — дети Оскара Коргана, Сандармох, место расстрела их отца, 1998 год

Мне помнится, что приехавших в тридцатые годы в СССР североамериканцев даже в 50–60-е годы в Карелии всё ещё называли политическими иммигрантами. Это справедливо лишь отчасти. В современном мире люди эмигрируют по разным причинам, в том числе политическим, из-за войн, межнациональных конфликтов, политических репрессий и их тяжёлых последствий. На сегодняшнем языке это беженцы.

Североамериканцы, переселившиеся в Карелию (по последним данным историков их было около 6500 человек), такими беженцами определённо не были. Это была миграция, основанная на идеологических установках. Не все, но большая часть из них наивно, глубоко и искренне верили в идеалы коммунизма и, как отмечалось выше, сами мечтали стать непосредственными участниками в создании нового типа государства.

В первой трети XX века миграционные потоки шли из России на запад. Миграция североамериканцев шла в обратном направлении – с запада в Россию. Непредсказуемыми оказались и результаты этого движения. В новой стране этих людей ждали немислимые лишения и испытания, им пришлось стать частью трагической истории Карелии.

После пика Большого террора 1937-38 годов, охватившего Карелию, семьи финнов, арестованных мужчин и женщин, были изгнаны из городов и посёлков и отправлены в ссылку. Так, осиротевшая семья Корганов оказалась на окраине г. Кеми в местечке Латушки. Семья провела в ссылке год. Тринадцатилетний брат Паули работал в колхозе. Поначалу он ухаживал за лошадьми, а позже даже водил трактор. Мейми работала на сплаве леса. В её обязанности входило считать брёвна и определять, на что они были годны — на дрова или на целлюлозу. От постоянного недосыпа в тесном, перенаселённом бараке, от голода и холода не хватало порой сил, всё время хотелось спать. Однажды, не заметив как, она оказалась в бурлящем потоке реки. Ледяная вода обожгла и пробудила. Мейми спасли несколько сплавщиков, которые тут же бросились ей на помощь. В том ноябре, ровно через год после ареста отца, она дважды была близка к смерти. Второй раз — когда барак был поражён тифом и из тридцати трёх человек умерло пятнадцать. Мейми, заболев, три месяца находилась в больнице, где всё-таки выжила.

После возвращения из ссылки в Петрозаводск надо было продолжать учёбу, но теперь учиться можно было только по вечерам. Днём ждала работа, надо было зарабатывать хлеб насущный, чтобы не умереть с голода. Не так уж просто было устроиться на работу дочери врага народа. Но на жизненном пути Мейми встречались добрые люди, готовые пойти на риск ради таких, как она. Такими были Прасковья Васильевна Лобская — женщина-карелка, написавшая письмо в НКВД в защиту Оскара Коргана после его ареста, и Анна Степановна Лянгина-Гостева, которая взяла Мейми на работу на должность секретаря и библиотекаря в своей школе. До этого она же выхлопотала ей стипендию, чтобы Мейми смогла учиться в школе. Это были смелые женщины, им было что терять.

Мама вспоминала, что к концу 30-х годов Петрозаводск очень изменился. Особое внимание привлекало появление в городе военных — симпатичных молодых парней, одетых в военную форму. Среди них были русские, карелы и финны. Сообщение в газете «Правда» о том, что Финляндия напала на Советский Союз, вызвало настоящий шок. Школа, в которой училась Мейми, стала госпиталем. Война ощущалась не только по внешним признакам в городе, но и по огромным потерям. Израненных и окровавленных молодых парней привозили умирать в школу. Правду о войне полностью не расскажут и через 50 лет.

С началом Великой Отечественной войны опять наступило расставание с семьей. Теперь это была эвакуация. Мейми к тому времени уже получила повышение в должности в новостной редакции ТАСС и должна была эвакуироваться вместе с правительством республики сначала в Медвежьегорск, а потом, по мере наступления врага, ещё дальше на север, в Беломорск. Катри с младшими детьми отправлялась в сентябре 1941 года в эвакуацию на барже по Онежскому озеру и дальше на восток. К тому времени как баржа дошла до Волги, люди на борту стали умирать. Буксиры время от времени подтаскивали баржу к берегу, чтобы захоронить мёртвых. Паули, будучи к тому времени уже молодым и сильным подростком, копал могилы.

Пунктом назначения была Пермская (тогда — Молотовская) область, небольшой колхоз недалеко от местечка Платиново. Здесь нашлась добрая крестьянка, которая взяла всех жить к себе. Корганы, теперь втроём, занимались непростым крестьянским трудом — Катри и Айно доили коров, убирали коровник, стирали, а Паули работал на заготовке сена и управлял лошадиной упряжкой. Жили впроголодь. Всё, что производилось в колхозе, шло для фронта, для победы, и лишнего стакана молока себе позволить не могли.

С коллегами по ТАСС на служебной машине, конец сороковых годов. Онежская набережная, Петрозаводск

Несмотря на запрет продовольственных посылок в годы войны, Мейми выискивала возможность поделиться своим продовольственным пайком с близкими, которые были на грани голода. Всё, что ей удалось сэкономить из своего пайка, она готовила к отправке в Пермскую область. В Беломорске нашёлся офицер, который помог ей обойти строгие законы военного времени. И свершилось настоящее чудо — ящик, набитый мясными консервами, сахаром, конфетами и пачками чая нашёл адресатов в далёкой эвакуации. Правда, как вспоминали младшие брат и сестра, их мама очень испугалась. Получив посылку, она подумала, что Мейми по меньшей мере ограбила банк, чтобы снабдить их продуктами, да ещё и немного денег прислать.

Мейми и её брату Паули выпало ещё одно испытание военных лет в Советском Союзе — пребывание в трудовых лагерях. Мейми попала в УВСП-23 недалеко от Вологды, в котором, к счастью, ей пришлось провести недолгое время. Один важный штрих она подчеркнет позже в своих мемуарах: «Большинство заключённых в лагере совершили одно и то же «преступление» — мы были представителями этнических меньшинств: эстонцами, латышами, евреями, поляками, румынами, финнами»³.

Пребывание в лагере Мейми закончилось, когда выяснилось, что она уроженка США. Допрашивающий её в очередной раз офицер обвинил Мейми в том, что она не рассказала о своём происхождении. Американцы были уже союзниками, СССР не воевал с американцами. Мама смогла снова вернуться в Беломорск, в ТАСС. Её тепло встретили коллеги, она снова вернулась к работе — печатала на машинке, принимала по телетайпу и записывала сообщения военных корреспондентов. Здесь поздно вечером восьмого мая 1945 года она приняла сообщение не отключать оборудование и ждать чрезвычайных новостей. Так в ночь на девятое мая она приняла сообщение о том, что война окончена, фашисты сдались, наступил мир.

Брату Паули повезло меньше, он попал в Челябинский трудовой лагерь, который был одним из самых суровых по своему режиму. После всех перипетий военного времени он смог вернуться в Петрозаводск лишь к 1946 году. Это было уже после смерти Катри, так и не дождавшейся своего сына. Она умерла от дистрофии, вызванной хроническим голоданием. Уже позже Паули расскажет своим сёстрам, как он был близок к смерти, оказавшись в больнице Челябинского трудового лагеря в 1943 году, как его жизнь спасли военнопленные врачи-немцы. Они держали его в больнице, давали питательную еду и витамины, а лагерной охране говорили, что он непригоден к физической работе...

Мои родители, Милтон и Мейми, поженились в 1948 году, вновь обретя друг друга после военного лихолетья и всех трагических переживаний. Мама всё чаще

³ Там же.

подумывала посвятить себя журналистике, тем более что у неё был уже накоплен кое-какой опыт. Редакторы и сотрудники ТАСС в Москве нередко хвалили её. Но судьба распорядилась иначе: «множество тёмных пятен» в биографии мамы лишили её возможности продолжить карьеру на поприще журналистики. Так она оказалась в школе. За плечами были трудные годы учёбы: сначала вечерняя школа (после ареста отца надо было работать, чтобы выживать вместе с семьёй), потом учёба на английском отделении Учительского института и, наконец, диплом Ленинградского педагогического института, куда она вместе с тремя другими американскими подругами была принята на третий курс. По законам и правилам тех лет даже заочная учёба для таких, как мама, была делом небезопасным: в пятидесятые годы учёба и проживание «иностранцам», «американским финнам» в том числе, в Ленинграде было запрещено.

К тому времени, когда я в 1957 году пошла в школу, мама уже несколько лет проработала учителем английского языка в 22-й школе Петрозаводска. Своим первым ученикам она преподавала английский язык уже будучи дипломированным педагогом.

Уже тогда, будучи школьницей младших классов, я начала понимать, что мама настоящий педагог. Она учила английскому, но ученики и позже студенты учились у неё не только предмету. В том же 1957 году выпускался класс, где она была классным руководителем. Сколько любви, энергии и внимания было отдано этим юношам и девушкам. Даже моя детская память зацепила имена многих из них на всю жизнь. Я и тогда не переставала удивляться, как это мама всегда помнила своих учеников и студентов по имени, помнила семейную историю каждого из них. Неудивительно, что они тянулись к ней, помнили её всегда. Она давала им не только уроки английского языка, но и уроки доброты и любви к людям. Вероятно, по этой же причине к нашей семье притягивало многих людей, в том числе моих друзей и друзей моего брата. Внимания и любви мамы хватало на всех.

Уже в 22-й школе мама часто выступала в роли руководителя педагогической практики студентов педагогического института. Будущие учителя английского языка сначала посещали уроки молодых, но опытных учителей. Среди коллег мамы, учителей английского языка, в городских школах были и другие уроженки США. В школе №10 преподавала Лилиан Давыдовна Сало, а одна из подруг мамы ещё с американских времён, Хельви Вяйновна Финберг, стала её коллегой в моей школе. Студентки, проходившие здесь практику, сначала посещали уроки, расположившись на длинных скамейках вдоль стены (классы были большие, свободных мест за партами практически не было) и внимали учителям. Немногим студентам в то время дано было учиться у носителей языка. Потом студенты сами вставали на место

учителя, после чего был строгий, «по косточкам», разбор проведённого ими урока. Так завязывались первые профессиональные контакты с будущими ведущими учителями в школах Петрозаводска. Вскоре М. О. Севандер была назначена директором средней школы №25 в Зарецком районе г. Петрозаводска. Вероятно, организаторские способности молодой учительницы не остались незамеченными в отделе народного образования городского совета Петрозаводска.

С 1963 года и до ухода на пенсию в 1989 году жизнь мамы была связана с Карельским педагогическим институтом. В 1964 году она закончила годичную аспирантуру при Академии педагогических наук (Москва), а в 1970 она уже получила должность доцента. Здесь в полной мере раскрылись её профессиональный талант преподавателя английского языка и талант организатора, руководителя. В истории факультета иностранных языков мама около двадцати лет в разные периоды была его деканом. Я помню с детства, как она мечтала об открытии факультета иностранных языков, как целенаправленно вместе с ректором Петром Ивановичем Ихалайненем они работали, чтобы реализовать эту мечту. И наконец осенью 1965 года на базе отделений английского и немецкого языков при филологическом факультете рождается факультет иностранных языков (ФИЯ). Для бывшей студентки Ларисы Кияницы встреча с Мейми Оскаровна была судьбоносной в её жизни. Она выбрала ФИЯ, ещё будучи школьницей Медвежьегорской средней школы, куда Мейми приезжала в роли методиста и руководителя практики молодых учителей. В своей статье, посвящённой памяти учителя, она вспоминает, как «в один из осенних дней 1965 года в актовом зале, во время лекции по психологии, вошла Мейми Оскаровна и сообщила об официальном открытии факультета иностранных языков. Шквал аплодисментов долго разносился по зданию пединститута. Мы искренне радовались этому сообщению, как будто предчувствуя, какую роль оно сыграет в жизни каждого студента нашего города и республики».

Мама стала руководителем по-настоящему творческого коллектива преподавателей, она собрала вокруг себя коллег-единомышленников. Среди преподавателей того времени были и другие носители языка: М. К. Росси, М. В. Куусениemi, Х. А. Хюрскюлуото. Большая часть преподавательского состава были выпускники столичных вузов, настоящие профессионалы своего дела, люди с большим опытом преподавания языков: Л. Н. Базыкина, И. И. Савушкин, И. В. Сосновская, П. С. Черкасова, В. П. Мезенцева, Е. Д. Виноградова, М. Я. Шадерман, А. Ф. Гуляева, И. Н. Пешкова, В. П. Сырохвотова, преподаватели немецкого языка И. Р. Врублевская, А. П. Выходова, Э. И. Цыпкин, Т. Ю. Шубик,

В. В. Кошкин, И. М. Раутио, Т. В. Белоносова и другие. Было на чём расти и развиваться факультету.

Мейми с Диниом Ридом на сцене ФИЯ, 1974 год.

Узнав о том, что в местечке Косалма под Петрозаводском киностудия ГДР начала съёмки фильма с участием Дина Рида, Мейми Оскаровна, быстро сориентировавшись в ситуации, взяла такси и съездила на съёмочную площадку, чтобы пригласить американского барда выступить на ФИЯ

Факультет жил своей жизнью, заряжался новой энергией, пополнялся молодым поколением преподавателей, новыми талантами. С самых первых лет ФИЯ стал известен качественной подготовкой настоящих специалистов. В период обучения на ФИЯ многие студенты, сталкиваясь со своими молодыми коллегами столичных вузов, вызвали удивление последних: «Так просто не может быть, чтобы в каком-то провинциальном вузе.... учили лучше, чем в институте Мориса Тореза». (Московский институт иностранных языков). За этой оценкой огромный труд преподавателей факультета иностранных языков.

Это сейчас у каждого студента, имеющего компьютер и подключение к интернету, дома своя лингафонная лаборатория. Слушай, смотри, упражняйся сколько хочешь. А в те годы было иначе. Печатная машинка брала под копирку максимум пять экземпляров, ни о каких ксероксах и речи быть не могло.

Преподавая устную практику в параллельных группах, мама и её коллега Лидия Николаевна Базыкина посвящали не один десяток часов, подготавливая методические разработки по тем или иным темам. Часто они работали по выходным, в будни просто не оставалось на это времени. Отец, бывало, удивлялся, обращаясь к маме: «Ведь это твой родной язык, неужели столько времени требует подготовка?» Смышленные студенты понимали, что это материал высочайшей пробы и готовы были с благодарностью принимать его, проводя долгие часы в лингафонном кабинете факультета.

Уже десять лет спустя студенты факультета неоднократно участвовали и побеждали на всероссийских олимпиадах. В 1975 году кафедре английского языка было оказано высокое доверие — проводить на базе ФИЯ КГПИ Всероссийскую олимпиаду студентов языковых вузов в течение пяти лет. Преподаватели кафедры были неизменно членами жюри. Многие из тех выпускников факультета, кому удалось учиться в аспирантуре столичных городов, наверняка подтвердят, что никаких комплексов, связанных с владением языком и знанием теоретических дисциплин, они не испытывали и могли на равных конкурировать с выпускниками столичных вузов.

Петрозаводск в пятидесятые — шестидесятые годы нередко называли «ленинградской Сибирью». Здесь находили пристанище многие высокие профессионалы своего дела (будь то медицина или гуманитарные науки) — выпускники ленинградских вузов, по разным причинам попавшие в немилость властей или просто испытывающие сложности с трудоустройством. Были такие в разные годы и на факультете иностранных языков. Надо было обладать в значительной степени смелостью, чтобы принимать на работу таких специалистов. Отчасти по этой причине ФИЯ «снискал себе славу» диссидентствующего факультета. Будучи деканом факультета, М. О. Севандер, к примеру, пригласила в качестве преподавателя опального в ту пору Константина Азадовского, сына знаменитого ученого Марка Азадовского, известного уже тогда переводчика Р.-М. Рильке и В. Кёшпена. Он проработал на факультете четыре года. Сегодня Константин Азадовский член редколлегии ведущих литературных журналов России «Звезда», «Новое литературное обозрение», «Вопросы литературы».

Здесь было бы уместно привести воспоминание о годах учёбы на факультете выпускника французского отделения семидесятых годов, ныне известного журналиста Дмитрия Свинцова: «На факультете иностранных языков учили не только знанию языка (впрочем, учили на самом высоком уровне), но тому, что его — английский, французский, немецкий — язык формирует: учили понимать людей, на нем говорящих, культуру и искусство, им порожденные,

учили думать об отличиях и общности разноязычных стран и народов. Факультет иностранных языков времен Мейми Севандер был однако существом не диссидентствующим, как его пытались представить ревнители брежневской эпохи, но личностью, старавшейся быть свободной, то есть жить собственным умом, блюдя честь и достоинство, отстаивая свои принципы и убеждения, не унижая чужих»⁴.

Связь со школой доцента кафедры английского языка Мейми Оскаровны никогда не прерывалась. С годами у мамы всё больше пробуждался интерес к методике преподавания иностранных языков, интерес к науке, которая могла бы помочь молодым учителям стать настоящими педагогами.

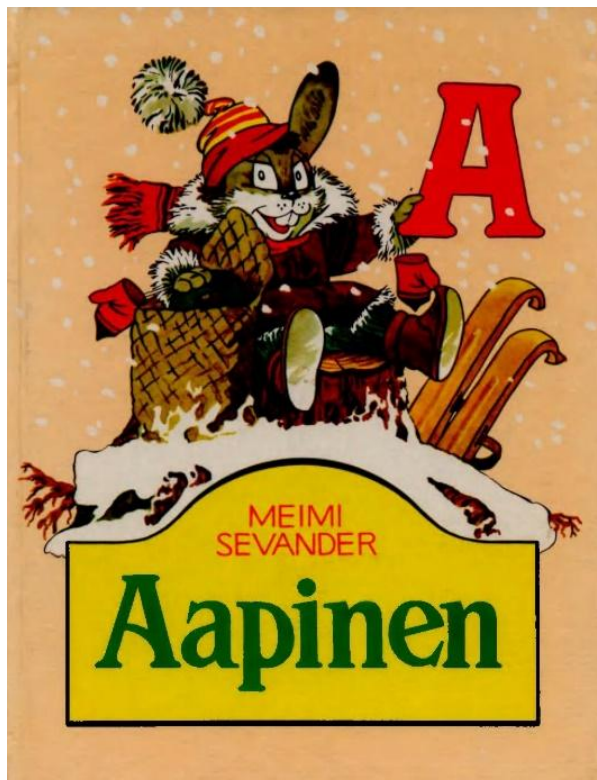
Вскоре после нескольких лет преподавания на факультете мама стала преподавать курс методики преподавания иностранных языков. Многие студенты, видя её увлечённость теорией и практикой предмета, выбирали темы своих сначала курсовых, а позже и дипломных работ по методике преподавания. Каждая курсовая, каждая дипломная работа были для неё уникальным исследованием студента, она как истинный руководитель готовила каждого из своих подопечных к постижению идей и применению их на практике. В этом и есть суть методики. Отрадно, что школа Мейми Оскаровны продолжает жить дальше.

Мама опубликовала целый ряд статей и разработок по методике преподавания иностранных языков. Особенно продуктивными стали семидесятые годы. Лет десять-двенадцать назад Филипп, внук Мейми, мой сын, в чате в Интернете разговорился с девушкой из Челябинска. Она робко спросила, кем он приходится М.О. Севандер, уж больно редкая фамилия. И рассказала ему, что работая над дипломом, пользовалась статьями и разработками Мейми.

Я уверена, маминому становлению методиста в немалой степени способствовали «собственные языковые университеты», очень непростой опыт изучения русского языка как иностранного. Я думаю, что не будет преувеличением утверждать, что мама создала в Карелии свою школу методики преподавания иностранных языков. Именно иностранных языков, а не только английского языка. Многим бывшим выпускникам школ Петрозаводска, осваивающим азы финского языка, имя М. О. Севандер известно как автора учебников финского языка. В 70-ые годы ею были написаны учебники финского

⁴ Свинцов Д. «Я с детства ранен женской долей...» // Север. 2013. № 3–4. С. 214. URL: <https://sever-journal.ru/assets/Issues/2013/3-4/Sever2013.03-04s210-218-Svintsov.pdf> (23.12.2023).

языка для второго и третьего классов, а несколько позже и новый букварь для начинающих⁵.

На тех же методах она построила курс преподавания русского языка для американских студентов, преподавая русский язык в колледже Святой Схоластики в г. Дулуте, штат Миннесота в 1990 году. Неожиданно, без всякого предупреждения, заглянувший на урок инспектор заинтересовался, всегда ли уроки русского языка проходят так живо, с таким активным участием студентов.

Мама завершила свою педагогическую карьеру, будучи Заслуженным учителем КАССР (1966) и лауреатом медали К. Д. Ушинского (1988). Она была также награждена орденом Трудового Красного Знамени (1988). Нельзя сказать, что она ушла на заслуженный отдых, ибо с этого времени начинается новый этап в её жизни — не менее интенсивный и напряжённый, чем все предыдущие.

Мы, не только семья, но и друзья Мейми, среди которых было много студентов, коллег, пытались и раньше уговорить её взяться за перо, чтобы воссоздать живую историю своей жизни. Одно дело её напишут учёные, совсем другое — сами участники истории. Но при столь плотном графике работы времени не доставало. И вот впервые оно появилось...

Меня часто спрашивают, оказывала ли американская сторона какое-либо содействие Мейми в работе над книгами об истории ее семьи и шире — судеб американских финнов, ведь речь шла и об американской истории. И здесь мне

⁵ Sevander M. Suomem kielen oppikirja. 2 luokka. 1 opintovuosi. Petroskoi, 1976; Eadem. Suomem kielen oppikirja. 3 luokka. 2 opintovuosi. Petroskoi, 1978; Eadem. Aapinen. Petroskoi, 1990.

хотелось бы отметить, что в истории отношений с американцами было два этапа, а до этого велась лишь частная переписка и случались редкие посылки. Кульминацией первого этапа стал 1973 год, когда Мейми, как и многие из её народа, проживающие в Карелии, смогли впервые посетить свою родину. Напомню, её семья покинула Америку в 1934 году. Это была непростая встреча: ещё была жива сестра Оскара Коргана и многие из друзей родителей. Все они с грустью слушали рассказы мамы о судьбе родителей, о том, как трагически оборвалась их жизнь.

1970-е годы — это еще время «холодной войны», что не могло не отразиться на встречах в Америке. Позже Мейми в книге воспоминаний о своей жизни подчеркнет: «Я старалась быть искренней и рассказывала не только о трудностях нашей жизни, но и о твёрдых убеждениях людей Советского Союза, и о том, как страстно они желают мира и благополучия для всех»⁶.

Второй этап этих отношений, который можно назвать карельско-миннесотским, начался позже, уже в 1986 году, когда Петрозаводск посетила группа туристов из Дулута, Миннесота. Они приехали, чтобы посмотреть и решить, подойдёт ли для Дулута столица Карелии в роли города-побратима. Как позже напишет Том Морган, профессор колледжа Святой Схоластики, бывший в составе этой группы и ставший впоследствии коллегой и другом Мейми: «Установление официальных побратимских связей между Петрозаводском и Дулутом вдруг стало представляться совсем излишним: мы уже породнены в течение полувека — мы просто не знали об этом»⁷. Новые американские друзья не только словом, но и делом готовы были оказать поддержку начавшемуся исследованию Мейми — работе над книгами о судьбах североамериканских иммигрантов.

Сначала о слове.

Брукс Андерсон, на тот момент был руководителем Центра Мира Дулута. После завершения работы съезда городов-побратимов США и СССР, проходившего в Ташкенте в 1989 году, он в взял с Мейми слово, что она приступит к этому проекту.

«Мы с Томом в разное время, не сговариваясь, высказали Мейми мнение о том, что историю переселения тысяч людей в Карелию в начале 30-х годов нельзя не рассказать. <...> Прощаясь с нами в московском аэропорту, она сказала, что обдумала эту мысль и склоняется к тому, чтобы заняться этим делом»⁸.

Уже в июле 1989 года Мейми Оскаровна встретила с редакторами крупных карельских газет *Neuvosto Karjala* и «Ленинская правда», заручившись их поддержкой к сотрудничеству в этом новом проекте. Летом 1989 года в финноязычной газете Карелии было опубликовано её письмо «Американские финны, откликнитесь!», после чего последовал целый ряд статей, рассказывающих о переселении североамериканцев в Карелию. Реакция местного населения, получившего доступ к

⁶ Севандер М., Хертцель А. Они забрали у меня отца. С. 213.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Петрозаводск — Дулут 20 лет побратимства = Duluth — Petropzavodsk 20 years as Sister Cities / Сост. Д. Бенсон, Н. В. Лаврушина, В. А. Мешко. Петрозаводск. 2007, С. 11.

информации из русскоязычного источника, была несколько неожиданной. Большому числу читателей, проживших бок о бок с этими людьми, почти ничего не было известно о их истории. Большая переписка внутри Карелии, Советского Союза всё больше набирала силу. Потом пошла переписка из Финляндии, США, Канады. Писали бывшие американцы, писали их потомки. Так началась жизнь ещё одного важного проекта в жизни Мейми Оскаровны Севандер.

Теперь о деле.

Американской стороной Мейми была предоставлена уникальная возможность поработать в США. В ноябре 1989 года она была приглашена в Дулут президентом колледжа Св. Схоластики Даниэлем Пилоном в роли преподавателя русского языка. Но руководство колледжа любезно позволило ей сочетать преподавание с работой над начавшимся проектом в стенах колледжа, иначе говоря, пользоваться офисом, компьютером и средствами связи, а в доме Брукса Андерсона, расположенного на самом берегу озера Великого, так похожего на Ладогу, ей были рады почти как члену семьи. Здесь она проработала год. Целый год она смогла изучать доступные в США материалы, искать и находить родственников тех, кто уехал в Карелию в 30-е годы, встречаться, чтобы брать интервью. И при этом получать хоть и небольшую, но зарплату, которая позволила жить и перемещаться по США.

На торжественной церемонии вручения Мейми звания Почётного доктора колледжа Святой Схоластики. Профессор Том Морган и Мейми.

В 1991 году маме, как и многим американским финнам в Петрозаводске, были возвращены американские паспорта, они стали полноправными гражданами двух стран. Это в значительной степени облегчило передвижение по миру. Последние пятнадцать лет Мейми жила и работала, перемещаясь между странами и континентами, её жизнь была разделена между США и Россией, а также Финляндией и Швецией.

Это был необычайно интенсивный и продуктивный период в жизни мамы. Первая, выше упомянутая книга об истории её семьи, была написана в соавторстве с американской журналисткой Лори Херцель. Издательство «Дулут Ньюз Трибьюн» подключило её к проекту, чтобы ускорить процесс издания книги, приуроченного к так называемому *FinnFest*, своеобразному съезду финнов со всей Америки, который в 1992 году проводился в Миннесоте. Мейми была приглашена как одна из выступающих. Это была единственная из книг мамы, написанная по заказу издательства. Но ей хотелось оставить после себя большее, завещать нам имена тех, с кем она приехала в Карелию. С 1993 года, после получения доступа в архив, держать в руках дело своего отца и дела многих своих друзей-ровесников было очень тяжело. Образно говоря, ей было важно «вытащить из могил всех», чтобы ни одно имя из её народа не кануло в бездну. Этому посвящены её книги «Красный исход» (1993 г.) и «Время страстей советских» (1996 г.)⁹. На основе двух последних книг Миграционным Институтом Финляндии была написана и издана книга «Скитальцы»¹⁰, которая была позже переведена на русский язык. Труд мамы был практически бескорыстен. Ей пришлось создать своё собственное издательство *Oscat*, с целью до минимума сократить расходы по изданию. Название — аббревиатура имён её родителей Оскара и Катарины. Из всего ею написанного первая книга доступна на трёх языках — английском, шведском и русском, последняя — на финском и русском, а две другие — на английском. Если обратиться к оценке читателей этих книг, то мы встретим удивительные и высокие слова: «... прочитав хотя бы одну из них, мы не раз вспомним с гордостью, что жили в одно время с Мейми Оскаровна Севандер. Человеком на все времена»¹¹.

Мама никогда не мнила себя ни историком, ни писателем. Она всегда верила, что наступит время, когда историки-профессионалы изучат эту

⁹ *Sevander M. Red Exodus. Duluth, 1993; Eadem. Soviet Bondage: Sequel to "Red Exodus". Duluth, 1996.*

¹⁰ *Eadem. Vaeltajat. Turku, 2000; Севандер М. Скитальцы. О судьбах американских финнов в Карелии / Пер. с финского М. Ипатова, Петрозаводск, 2006.*

¹¹ *Свицков Д. «Я с детства ранен женской долей...». С. 216.*

малоизвестную главу нашей общей истории. Сегодня это время настало. Мы имеем доступ к большому количеству научных публикаций историков России, Финляндии, США и Канады. Часть из них появилась в процессе работы в рамках двух международных научно-исследовательских проектов, посвящённых истории иммиграции финнов из США и Канады. Сводом знаний о североамериканских финнах в Карелии, как мне представляется, стала монография А. Голубева и И. Такала «В поисках социалистического Эльдорадо: Североамериканские финны в советской Карелии». Сначала она была опубликованная в США в 2014 году¹², а позже, в 2019, переведена на русский язык¹³.

Народная дипломатия всегда составляла важную часть жизни мамы. Это была главная составляющая её общественной работы. И в этом нет ничего удивительного — её происхождение и профессия тому объяснение. Немало сил и энергии было положено на то, чтобы «открыть» Петрозаводск миру. В Карелии Мейми в течение двадцати пяти лет была членом правления Карельского отделения общества Дружбы между Финляндией и СССР. В 1976 году, когда шведский город Умео стал побратимом Петрозаводска, и родина её отца «приблизилась к Карелии», Мейми с радостью приветствовала установление этих отношений и помогала, чем могла. Наконец, приезд в 1986 году американцев из г. Дулут, расположенного по другую сторону пролива от Супериора, где прошло детство Мейми, стало для неё настоящим *REUNION*.

Если в своих исследованиях мама восстанавливала забытые страницы нашего общего с США прошлого, то в истории побратимских связей она была неотъемлемой и важнейшей составляющей живой истории двух городов и стран. Как напишет Брукс Андерсон в год двадцатилетия побратимства, «она в полном смысле являлась послом, продвигающим отношения между страной, где она родилась, и землёй, где она создала свою семью, прожила большую часть жизни. Не было фигуры более заметной в этих крайне важных и плодотворных отношениях»¹⁴.

Осмелюсь предположить, что именно так рассуждали представители городских властей г. Дулута в марте 1987 г, принимая важное решение о присуждении Мейми Севандер звания Почётного Гражданина города Дулута.

¹² Golubev A., Takala I. The search for a socialist El Dorado: Finnish emigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s. Michigan, 2014.

¹³ Голубев А. В., Такала И. П. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. СПб., 2019.

¹⁴ Петрозаводск — Дулут 20 лет побратимства = Duluth — Petropzavodsk 20 years as Sister Cities. С. 12.

Диплом Почётного Гражданина города Дулута (из семейного архива)

Мама оставила нам своё доброе имя, своих друзей, разбросанных по всему миру, и свою любовь к людям. И, конечно же, книги, которые историки-профессионалы назовут полуисследовательскими, полубиографическими книгами о «карельской лихорадке». Вместе с тем они признают, что эти мемуары дают гораздо больше подробностей о жизни иммигрантов в СССР по сравнению с публикациями в прессе и воспоминаниями реэмигрантов 1930-х годов.¹⁵

Мемуарная литература о жизни североамериканцев в Карелии на сегодняшний день довольно солидно представлена книгами, не говоря уже о статьях и журнальных публикациях. Отрадно, что оригинальные тексты написаны на финском, английском и даже шведском языках. Некоторые из них, как и мемуары М. О. Севандер, доступны одновременно на разных языках¹⁶. И ещё один момент, на который хотелось бы обратить внимание. Перечень книг, приведённый в примечаниях, замыкают мемуары Аллана Сихвола «Под сталинским небом», вышедшие в 2021 году. Пятнадцать лет назад мне посчастливилось ознакомиться с рукописью

¹⁵ Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо. С. 80.

¹⁶ См., например: Ranta K. Arpi korvassa ja sydämessä. Helsinki, 2000; Kaskela S. Under Stalins duktatur. Göteborg, 1990; Irman tarina: [kanadansuomalaisen Irma Kuprin matka Kanadasta Neuvostoliittoon ja Venäjältä Suomeen / toim. Rauni Virtanen]. Turku, 2012; Zlobina V. Heidän ihanteensa murskattin: Tyttären tarina Säde-kommuunasta Neuvosto Karjalassa. Turku, 2017; Злобина В. Растоптанные идеалы. Канадская девочка за железным занавесом. Хельсинки, 2019.; Sibvola A. Stalinin taivaan alle. Lapsena Yhdysvalloista Neuvosto-Karjalaan: OK, 2021

автора, и вот в 2021 году я держу в руках книгу. Рукопись Аллана Сихвола увидела свет благодаря доверительному сотрудничеству финского историка Олави Койвукангаса с дочерью давно ушедшего автора Исабеллой Сихвола. Вот уж воистину «рукописи не горят» (по слову М.А. Булгакова).

Все эти книги о жизни североамериканцев в Карелии, о жизни и судьбах тех, кто выжил. Именно под названием *Survivors* был сделан в начале девяностых годов документальный фильм американской журналисткой Анитой Хокканен Мидлтон. Фильм создан в форме интервью с двадцатью жителями Карелии, бывшими иммигрантами, прожившими к тому моменту уже более полувека в Советском Союзе. К Дягни Артуровне Сало, известному уважаемому преподавателю математики высшей школы Карелии, автор фильма обращается с простым вопросом: «Вы сожалеете, что вы приехали сюда?» Дягни Артуровна признаётся, что такой вопрос ей задавали нередко, в том числе и во время посещения США. Она отвечает встречным вопросом: «А что, вы можете предложить мне другую жизнь? Простите, но это и есть наша жизнь».

Эрнст Хаапаниemi даёт более подробный ответ на примерно такой же вопрос в своём интервью Армасу Мишину в 1993 году, которое озаглавлено весьма симптоматично: «Я верю в признание дела всей жизни американских финнов»¹⁷.

Вклад североамериканских иммигрантов в советскую экономику, сельское хозяйство, а также в культуру подробно описаны и задокументированы в двух главах вышеупомянутой монографии историков Алексея Голубева и Ирины Такала, содержание которых и следует рассматривать как признание заслуг североамериканцев в развитии Карелии. Их личностные, подчас трагические, истории, драматические судьбы их семей, воспроизведенные в мемуарах, подобных книгам Мейми Оскаровны Севандер. Это неотъемлемая часть глобальной истории XX века.

Стелла Севандер

¹⁷ *Mishin A. Ernst Haapaniemi: Toivon amerikalansuomalaisten siirtolaisten elämäntyön tunnutusta // Carelia. 1993. No. 3.*